

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Ю.С. Пивоваров

«ИЗ-ПОД КАКИХ РАЗВАЛИН ГОВОРЮ...»*

**Пивоваров Юрий Сергеевич – академик РАН,
научный руководитель ИНИОН РАН.**

Посвящается Адаму Михнику

Поставив в название работы эту знаменитую ахматовскую строчку, подумал: а ведь для меня «развалины» не только политическая метафора, но и совершенно трагическая практика. Это и есть тот контекст, в который я помещаю свои беглые размышления о нашей действительности. Она стремительно меняется, и я не могу даже приблизительно ответить на вопрос: «Куда движется Россия?» Во всяком случае, как говорил Арнольд Тойнби: «History is again on the move». Я всегда ощущал себя поздним потомком русских «лишних людей». Временами мне казалось это внутренним пижонством. Но происходящее все-таки убеждает, что эта идентификация не столь уж неточна. И мне очень близко самоощущение Раймона Аrona начала тридцатых годов: «Я приехал в Германию, я был еврей, и знал это, но, если можно так сказать, осознавал это не вполне»...¹

Стилистически эта работа состоит из ряда отрывков – маленьких эссе, заметок, воспоминаний. Все они навеяны тревогой и предошущением грозных событий. Надеюсь, что повышенная эмоциональность и местами – увы! – пафосность не заслонят главную тему: «Что с нами будет?» Также не теряю надежды, что мозаичность текста не перечеркивает стремления автора к целостному видению.

---

* Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Исследование взаимоотношений власти и общества в России в ракурсе политической онтологии», осуществляемого при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант 15-03-00008).

1. Арон Р. Мемуары: 50 лет размышлений о политике. – М.: Ладомир, 2002. – С. 36.

ПОЧЕМУ НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ

Памяти Юрия Нагибина

Этот умный наблюдатель и пониматель (если так можно сказать, но о Юрии Марковиче хочется) советской жизни записал в ноябре 1969 г. (хорошо помню это время и ощущение – одновременно давящей тоски и поэтического, не в смысле стихосложения, порыва...): «Нет ничего страшнее передышек. Стоит хоть на день выйти из суеты работы и задуматься, как охватывает ужас и отчаяние. Странно, но в глубине души я всегда был уверен, что мы обязательно вернемся к своей блевотине. Даже в самые обнадеживающие времена я знал, что это мираж, обман, заблуждение и мы с рыданием припадем к гниющему трупу. Какая тоска, какая скука! И как все охотно стремятся к прежнему отупению, низости, немоте. Лишь очень немногие были душевно готовы к достойной жизни, жизни разума и сердца; у большинства не было на это сил. Даже слова позабылись, не то что чувства. Люди шугались даже призрака свободы, ее слабой тени. Сейчас им возвращена привычная милая ложь, вновь снят запрет с подлости, предательства; опять – никаких нравственных запретов, никакой ответственности – детский цинизм, языческая безвинность, неандертальская мораль»².

Точный диагноз. Но от этой точности – тошно. Через сорок пять лет (почти полвека!) вновь всё то же самое. А может и похуже тех времен. Что-то не видно нынче активного правозащитного движения, сахаровых, согленицыных, буковских. Нет атмосферы Окуджавы – Галича – Высоцкого. Маргинализировалась переживавшая тогда подъем весьма широкая (в смысле и массовости, и палитры убеждений) гуманистическая интеллигентская культура. Церковь, зажатая железным обручем официального атеизма и гэбэшного конвоя, хотели того сами церковники или нет, в ту пору стала для многих (прежде всего молодых) пристанищем другой (лучшей) действительности, пространством обретения новых смыслов и укреплением в противостоянии злу. Сегодня же...

Тогда, на рубеже шестидесятых–семидесятых и далее, вплоть до перестройки, наличный пессимизм уходящей жизни в значительной степени уравновешивался оптимизмом воображения и надежды. У многих, в рамках той самой интеллигентской культуры, были свои варианты лучшего будущего для Отечества (и в них верили). Вернуться в семью цивилизованных (читай: европейских) народов, вновь пойти по органическому историческому пути (т.е. обратиться к дореволюционным порядкам), построить общество демократического социализма («с человеческим лицом») и т.д. И под каждый

2. Нагибин Ю.М. Дневник. – М.: Независимое издательство ПИК, 1996. – С. 258.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

вариант будущего подводился солидный идеиний и научный фундамент. Ныне же по прошествии почти двадцати пяти лет с момента краха СССР дискредитированы, провалились все **релевантные**, когда-то авторитетные концепции социального развития (либерально-правовые, социал-демократические, христианско-демократические, европейски-консервативные и т.п.). Как по другому поводу говорил Б. Пастернак: «Все накопленья и залоги / Изжеваны до одного. / Хватить бы соды от изжоги! / Так вот итог твой, мастерство?..»

Действительно, все «приличное», доказавшее свою адекватность и эффективность в других странах (в том числе и бывших «социалистических»), у нас девальвировалось намного сильнее, чем рубль. За них теперь не дадут «и даже ломаной гитары». В общем интеллектуальный и **психологический** климат хуже некуда. Разумеется, сохранились кучки доктринёров, долбящих свои «истины». Но это так, по инерции.

Что же сегодня? Полный вакуум, совсем нет идей, виденья будущего? – Да, есть, конечно. Зайдите в любой книжный магазин (но не в маленьку лавку какого-нибудь академического института), включите телевизор, почтайте газеты, я уж не говорю об Интернете с его возможностями. И вы убедитесь: все в порядке. Книги, статьи, интервью, круглые столы, заявления. В таком количестве! И все об одном! – Великий Сталин, «Братья и сестры»³, великий сталинский СССР, предательство перестройки, заговор Запада против России, свой особый путь, православная вера, православная цивилизация, либерасты, «пятая колонна», новая опричнина, жидобандеровцы, третья мировая уже идет... В общем приехали. Мракобесие, ложь, клевета, ненависть, примитивизм...

Но **такой** образ прошлого, но **такое** понимание настоящего, но **такие** планы по обустройству будущей России положительно воспринимаются большой (если не большей) частью нашего населения. То есть опаснейшая по своим близким и дальним последствиям идеология (имеются, естественно, различные ее изводы, но суть, безусловно, одна на всех) находит отклик в сердцах и умах возлюбленных сограждан. Байка, согласно которой народ, большинство не ошибаются, по выражению блатных, не катит. Еще как ошиб-

---

3. По поводу этого вспоминается: «В одном селе Рязанской области, 3 июля 1941 г. собрались мужики близ кузни и слушали по радио репродуктору речь Сталина. И как только железный и такой неумолимый к русским крестьянским слезам сблажил растряпанный полуплачущий батька: "Братья и сестры!"... – один мужик ответил черной бу-
мажной глотке:

– А б...ть, а **вот** не хотел? – и показал радиоконструктору излюбленный грубый русский жест, когда секут руку по локоть и ею покачивают. – И зарогатали мужики». – Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. – М.: ИНИКОМ ИВ, 1991. – Т. 7. – С. 20.

баются. Недавний двадцатый век лучшая иллюстрация этому. От этого, правда, не легче. – Как же так? Что произошло с моим народом? Откуда взялось такое количество разжигателей вражды и сторонников зла? Как могли современники забыть или позволить себе не знать обличающего и неотменимого (амнистии не будет и по давности лет) приговора А.И. Солженицына: «...на всей планете и во всей истории не было режима более злого, кровавого и вместе с тем лукаво-изворотливого, чем большевистский, самоназывавшийся “советским”... ни по числу замученных, ни по вкоренчивости на долготу лет, ни по дальности замысла, ни сквозной унифицированности тоталитарности не может сравниться с ним никакой другой земной режим...»⁴. Или его же, горчайшее: «Кто помнит великий исход населения Северного Кавказа в январе 1943 – и кто ему даст аналог из мировой истории? Чтобы население, особенно сельское, уходило бы массами с разбитым врагом, с чужеземцами – только бы не остаться у победивших *svoих*, – обозы, обозы, обозы в лютую январскую стужу с ветрами»⁵.

А вот же не хотят знать **этого**. А хотят вернуться в «мир опекунской кабалы, где бедность... справедливо распределена в обмен на повиновение»⁶. У меня нет ответа: **почему**. Подобно множеству исследователей говорю: у нас не было глубокой десталинизации, десоветизации, декоммунизации. Но дело, видимо, не только в этом. Мы, все те, кто мечтал о свободе – осознанно или не очень, – исходили из убеждения, что, когда «оковы тяжкие падут», наши люди, скажем выспренно, выберут добро, реализуют задавленное режимом. Выбрали...

Правда, схожие процессы шли и в странах Центрально-Восточной Европы. А. Михник говорит: «Коммунизм был своего рода морозильной камерой. Многоцветный мир напряженностей и ценностей, эмоций и конфликтов был покрыт толстым слоем льда. Процесс “размораживания” происходил постепенно: сначала мы увидели красивые цветы, а потом грязь и отвратительную пену. Сначала был пафос мирного падения берлинской стены и “бархатной революции” в Чехословакии. Потом – волна ксенофобской ярости, охватившая Восточную Германию в 1992–1993 годах, распад Чехословакии в 1992 году, внезапный рост антитурецких настроений в Болгарии, антивенгерских в Румынии и Словакии, антицыганских во многих странах...»⁷. Вот именно, была разморожена морозильная камера.

4. Солженицын А.И. Там же. – С. 21.

5. Солженицын А.И. Там же.

6. Михник А. Антисоветский русофил. – Москва; Вроцлав: Летний сад, 2001. – С. 291.

7. Михник А. Там же. – С. 265.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Выходит, свободой воспользовались во зло. Выходит, свобода может стать новым шансом для него. Эк, открытие! Ведь предупреждали нас об этом и русские, и зарубежные мыслители. Ведь все мы помним революционно-радикальный и черносотенно-погромный подъем 1905–1907 гг., когда самодержавие пошло на уступки. А Февраль и его последствия! Но в обоих случаях нормальная часть общества сопротивлялась и далеко не безуспешно.

Почему же сейчас этого нет? Или почти нет?

О Борисе Ельцине и о нас (о его и нашей неудаче)

В нашей стране господствует стойкое неприятие двух исторических личностей недавнего прошлого – Михаила Горбачёва и Бориса Ельцина. Притом, что в реальной политике они были антагонистами, вменяются им одни и те же «преступления»; развал империи – СССР и подрыв того, что нынешние их критики полагают некой основой, сердцевиной, эссецией русской жизни (и досоветской, и советской). Слава Богу, окончательно подорвать не удалось, а в последние годы мы даже переживаем ренессанс этих первородных стихий, говорят ревнители советского и «исконно» русского.

В таком историко-психологическом контексте у меня возник вопрос: а что я могу сказать о Борисе Николаевиче, уже завершившем свой жизненный путь? Что главное о нем должно знать? Разумеется, не его пьяные выходки, не его какую-то природную дикость, неокультуренность, не демагогические обещания, не его, видимо, полное непонимание экономических материй. Да, это и, наверное, другое было. И все же, кажется мне, не этим и не с этим Борис Ельцин вошел в Историю.

Ельцин – это псевдоним нашей попытки преодолеть коммунизм (наряду с Горбачёвым). Его имя уже выбрано для обозначения важнейшего периода русской жизни. Далее. Он дважды спасал Родину. В 1991 и 1993 годах. При этом проявил несравнимое мужество и решительность, а также высшую степень ответственности. И оба раза не казнил путчистов. Простили их, дал им возможность вернуться к общественной деятельности. Это предотвратило «большую» кровь, поскольку стало единственной возможной тогда прививкой против гражданской войны. И не следует забывать: победи путчисты девяносто первого и девяносто третьего годов, они свернули бы ему (и нам) шею.

Ельцин – это и псевдоним девяностых. Сегодня об этом времени говорят – «лихие». Неправда, не лихолетье было содержанием эпохи. Но – возможности и выбор, столь редкие в русской истории. Тема «возможностей и выбора» связана со «свободой», хотя последняя и шире, и глубже ее. Предполагает определенный уровень благосостояния, господство права и др. В девяностые, кто бы ни пришел к власти, это было недосягаемо. Однако «возможности

и выбор» открывали нам дорогу к свободе. Мы не сумели воспользоваться тем, что имели. И все же опыт тех лет не забыт. Нынешнее стояние за свободу имеет свои корни и там.

Но Ельцин это и псевдоним неудачи выхода из тоталитаризма. – На мой взгляд, сегодня главный русский вопрос – наша неудача. Нам не удалось решить основные проблемы этого (несостоявшегося) «транзита». Навсакидку назову некоторые, далеко не все. – Декоммунизация, десоветизация. Запрет на распространение коммунистической идеологии. Глубокая реформа правоохранительных органов и спецслужб (гражданский контроль над ними и армией). Серьезные изменения в кадровом составе госслужбы. Законодательное ограничение вмешательства государства в деятельность средств массовой информации. Соблюдение Конституции, минимизация ее «монархических потенциалов», акцент на демократические, федералистские «правозащитные» начала Основного закона с осторожной, постепенной подготовкой пересмотра сверхпрезиденциализма, вписывание фигуры президента в систему разделения властей. Недопущение симбиоза Государства и Церкви. Преодоление милитантности сознания российских граждан. Создание просветительско-образовательной системы, направленной на формирование демократически-правового, антитоталитарного мышления. Отказ, насколько это возможно в специфических российских, постсоветских условиях, от государственного капитализма (госмонополии, госкорпорации, верхушка власти в роли владельцев основных богатств страны, «скорохваты»-миллиардеры в качестве мальчиков на побегушках у власти; особое отношение к тем, кто имеет доступ к сырьевому комплексу и оборонке, включая торговлю оружием). Обязательная ориентация на создание социально ответственной рыночной экономики. Партнерская, союзническая по отношению к демократическим государствам внешняя политика сальным прицелом на входжение в систему евроатлантической безопасности и кооперации. Тем самым (несколько, конечно) превращение ее в евроазиатско-атлантическую.

Список нерешенных проблем можно продолжить. Я же говорил: «навсакидку». – Однако дело не в этом. Каждый раз, когда называлась новая проблема, возникал вопрос: а кто ее будет решать? То есть речь идет о социальном субъекте, который инициирует нечто, а затем и приступает к реализации. Таких субъектов (субъекта) не нашлось. **Ельцинские** годы показали, до **какой** степени русское общество было раздавлено коммунистами. И хотя в хрущёвско-брежневский период оно потихоньку начало восстанавливаться, ему еще было очень далеко до состояния «civil society».

Но, тогда непонятно, кто же осуществлял перестройку? Один лишь Горбачёв со товарищи? – Неубедительно. Роль реформистской верхушки КПСС громадна, но без широкой массовой опоры (поддержки) ничего бы не вышло. Тем более в Великую Преображенскую революцию августа 1991 г. и Вели-

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

кую Антисоветскую октятбря 1993 г. (при всей значимости Ельцина и его соратников). Действительно, еще в самые густые советские семидесятые стало ясно, что в СССР сформировался массовый слой людей достаточно образованных, информированных, с определенным уровнем потребления и еще большим запросом на него. А. Амальрик (один из тех, кто диагностировал появление этих людей) в своем эссе «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года»⁸ писал о слове специалистов, который со временем захочет для себя более свободных социальных условий.

Действительно, если в 1917 г. доля горожан в структуре населения России составляла 17,9% (на самом деле и того меньше; к горожанам относили и тех, кто временно жил в городе, а городами зачастуючили фактически полусельские поселения), то в 1989 г. в СССР – 66% (в РСФСР – 74%; для примера, в США – 72%). Доля работников умственного труда в 1987 г. равнялась 28% (в 1940 – 15%). Законченное высшее образование в том же году было у почти 21 млн человек (90 на 1000; в 1939 г. – 1,2 млн, 8 на 1000). Напомним, что в 1989 г. в СССР проживали 286,7 млн человек. Следовательно, если исключить из этой цифры детей, то более 10% советских людей имели высшее образование. К этому следует добавить 3,5 млн – с незаконченным высшим и почти 31 млн – со средним специальным. То есть около 55 млн человек (примерно 1/4 взрослого населения) можно отнести к типу современного человека. – И еще одно: в 1987 г. 1,5 млн человек имели ученыe степени (в 1960 г. – ≈ 340 тыс.).

Этот слой, «средний советский класс», и был «материальной» основой перестройки и исторических событий начала девяностых. Этим людям было тесно в СССР. Кстати, по всем социологическим опросам нулевых и самого начала десятых примерно такая же (15–20%) доля российских граждан хотела бы жить в европейском (по типу) обществе. Свобода, право, конкуренция, социальная защищенность и т.д. – вот главные параметры такого социума.

Тогда почему эта достаточно многочисленная и общественно «продвинутая» strata оказалась не в состоянии стать историческим субъектом выхода страны из коммунистического тоталитаризма? С опорой на них, выражая их интересы, удалось разбить тюремные оковы, но не получилось всерьез двинуться к нормальной системе политики и экономики. Негативная программа была выполнена (правда, далеко не до конца, но все же...), а на позитивную сил не хватило. Почему?

Когда-то А.И. Солженицын ввел в русский политический лексикон слово «образованцы». Оно носило негативную коннотацию. Так он называл своих

---

8. Амальрик А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года // Онтология самиздата. – М.: ИГПИ, 2005. – Т. 2.

идейных оппонентов либерально-плуралистических воззрений (статья «Наши плуралисты»). Думаю, что в целом в этой полемике Александр Исаевич был неправ (что не отменяет восхищения и благодарности ему). Но все это дела давно минувших дней (хотя, как сказать...). Мы же попробуем использовать этот термин (разумеется, без его обижающего смысла) в наших целях.

Так вот, страта продвинутых и современных советских людей состояла (в подавляющем числе) из **образованцев**. – Кто это? Что за люди? Когда-то я писал о рождении в середине XX в. (особенно в пятидесятые–семидесятые; в восьмидесятые это был уже зрелый и даже отчасти «перезревший продукт») массового модерного человека. Это индивид эпохи городской Современности (Modernity). Но – советской. Он не знал религиозного воспитания, был обязан к «исповеданию» низкокачественной и злобно-воинствующей идеологии (грубой смеси наивного натурализма-материализма, элементов поверхностного гуманизма, провинциального социал-дарвинизма и фальшиво-оптимистического, низкопробного исторического телеологизма). Он ничего не слышал об основах предпринимательства: не в смысле вора-«скорохвата», какими некоторые из этих людей явились в последние два с половиной десятилетия, но в духе, скажем, «Протестантской этики». Он практически не имел никаких связей с Россией дореволюционной, исторической. С Россией, созидавшей гражданское общество и правовое государство (это – не штампы, это – то, главное, что мы должны знать об Отечестве XIX – начала XX в.). Он был оторван от мейнстрима мировой культуры и социальной эволюции.

...По всему этому **такой** человек оказался не в состоянии решать **положительные политические** задачи. Еще в конце шестидесятых это предвидел Мераб Мамардашвили: «Отсутствие исторического накопления личностного развития как причина... невозможности политики». Как причина невозможности политики, которая есть поле конкуренции и сотрудничества юридически равных субъектов в рамках права.

Из «вакуума» в «ничто»? (почему Россия не Польша)

Ну, хорошо (на самом деле плохо), нам не удалось (надеюсь, пока) вырваться из тоталитаризма, пройти точку невозврата. А вот у наших бывших солагерников (по «социалистическому лагерю») вроде бы, худо-бедно, получилось. Знаю: на эту тему написаны горы профессиональной литературы. И, наверное, не стоило бы ломиться в открытую дверь. Однако для нас сейчас это вопрос высшей важности: почему не сумели? И поэтому хочу напомнить некоторые особенности транзита в Польше. Для русских это не

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

просто страна, другая, соседская или какая-то еще. Польша – часть нашей судьбы, истории, настоящего.

Адам Михник, «антисоветский русофил» (как он сам себя определяет), один из ключевых участников и свидетелей всех этих «польских дел», говорит: история знает два способа (или пути) выхода из тоталитаризма – немецкий и испанский (по которому и пошло большинство транзитеров). Понятно: немецкий путь Польше был заказан. Тогда – испанский. Эволюция от диктатуры к демократии через компромисс и национальное примирение.

Профессор-правовед Альваро Хиль-Роблес, принявший активное участие в постфранкистском транзите, позднее ставший Уполномоченным по правам человека, писал: «...мы выбрали... путь мирного перехода, а не резкого разрыва со старой системой... Мы решили, что даже если нам это и не нравится, нам придется сесть за стол переговоров с франкистами, с военными, чтобы найти приемлемое для страны решение...: избежать разрыва и противостояния. Мы не собирались никого призывать к ответу, хотя не следует забывать, что многие из тех, кто сел за стол переговоров, либо прошли через тюремное заключение, либо побывали в изгнании»⁹.

В польском случае это выглядело так. В качестве площадки для диалога коммунистов и анти(не)коммунистов был создан «Круглый стол». Основными игроками на этом столе являлись, с одной стороны, Польская объединенная рабочая партия (ПОРП) и ее, к тому времени немногочисленные некоммунистические союзники, с другой – Католическая церковь и профсоюз «Солидарность», в который вошла сеть антikоммунистических комитетов КОС–КОР (в основном представители интеллигенции). Оппозиционные (антипорповские) организации находились в весьма сложных взаимоотношениях (в результате – худо-бедно в решающий момент договорились).

Итак, в Польше конца 80-х имелись: а) коммунистическая власть, которая была вынуждена лавировать (может, точнее – вертеться) между собственным обществом и Москвой; б) церковь, которая, помимо прочего, была хранительницей традиционного польского духа и социально-духовным пространством, независимым от ПОРП. Избрание Кароля Войтылы Римским папой (Иоанн Павел II) усилило общественные позиции церкви и, так сказать, актуализировало ее влияние. Вместе с тем это событие играло на руку всем некоммунистическим силам; в) «Солидарность» – мощный всепольский профсоюз, альянс рабочего класса и некоммунистической интеллигенции (как католической, так и светской); г) КОС–КОР – комитеты польской антикоммунистической интеллигенции, включавшие в себя немало людей, имев-

---

9. Вестник Московской школы политических исследований. – М., 1995. – № 1. – С. 149.

ших опыт подпольной борьбы, тюрем, даже эмиграции. В 80-е годы КОС–КОР действовал вместе с «Солидарностью» и, как отмечалось, стал его частью.

Ко всему этому следует добавить, что польское крестьянство (весьма многочисленное, это вообще одна из самых «крестьянских» стран Европы), к счастью, не пережило тотальной и кроваво-насильственной коллективизации, как это случилось у нас. В коллективные хозяйства попало 13% от их общего числа, остальным было позволено сохранить свое частничество (частную собственность). То есть хотя по традиционному укладу сельской жизни и был нанесен удар, но далеко не сокрушительный.

Удаче польского транзита способствовало и то, что в послевоенный период, вплоть до конца 80-х годов на Западе (Франция, Великобритания, США) существовала (и периодически пополнялась) активная польская эмиграция. Да и режим выезда за границу был относительно либеральным. Можнo было, как это сделал А. Михник, после окончания школы несколько месяцев провести в Париже и позже между посадками в тюрьму выезжать в Европу. Это, как если бы у нас инакомыслящие шестидесятых-восьмидесятых отправились за советом к П. Струве, Г. Федотову, М. Вишняку и т.д. «Мы» не совпали ни во времени, ни в пространстве.

Наряду с этим в правящих кругах США и некоторых других стран имелись влиятельные пропольские лоббисты (и других восточных европейцев тоже). С давних пор Польша (и не только она) находилась под известной опекой «старших» евроатлантических держав. Впоследствии «младших» включат в ЕС и НАТО. Тем самым исход транзита был предрешен.

И еще одно важное обстоятельство. Отказ от коммунистической системы был одновременно национальным освобождением от владычества Москвы. Это и само по себе способствовало поднятию градуса борьбы и было, пусть ненадолго, платформой для объединения разнородных сил. В девяностые и позже не столь актуальный уже антикоммунизм был заменен традиционным для поляков антирусским комплексом (я пишу это с тяжелым сердцем, поскольку люблю Польшу, но все-таки закрывать глаза на **это** было бы нечестно). То есть антисоветские настроения сплачивают польское общество и, если можно так сказать, ориентируют его на скорейшее возвращение в Европу.

Называя ряд положительных факторов, способствовавших успешному (в целом) переходу к демократии, необходимо сказать о «центрально-европейской идее». В 1997 г. А. Михник писал: «Несколько десятилетий назад писатели, художники и философы придумали Центральную Европу, как

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

царство духа свободы, неоднородности и толерантности»¹⁰. Они «...прочли заново и представили миру духовное богатство этого региона, находящегося на стыке народов, религий и культур, – как воплощение в жизнь идеала многокультурного общества, как миниатюрную модель Европы, созданную по принципу: максимум неоднородности на минимуме пространства»¹¹. Конечно, описывая феномен Центральной Европы, автор берет несколько через край. Но ведь это идея, идеал, идеализация, а не фотография или научный анализ. Вчитываясь в эти строки А. Михника, начинаешь понимать: действительно у Польши (и в разной степени у других бывших наших сателлитов Старого континента) имелись гораздо более веские основания для успеха демократического транзита (хоть подчеркнуть: этот термин я использую в несколько ином смысле, чем классические транзитологии).

«Преимуществом малых народов было отсутствие имперских черт, что превращало их в естественного союзника свободы и терпимости. Этот исторический опыт – десятилетия и столетия существования в условиях угнетения и репрессий – создавал специфическую духовность, характеризующуюся достоинством и самоиронией, упорным стремлением сохранить духовные ценности и смелостью веры в романтические идеалы. Здесь национальное и гражданское сознание складывалось в результате межчеловеческих уз и отношений, а не по приказу государственных институтов. Здесь легче было сформулировать идею гражданского общества, поскольку суверенное национальное государство оставалось обычно в сфере мечтаний. Культурная неоднородность этого региона... представляла собой самое лучшее оружие самозащиты против претензий этнических или идеологических держав»¹².

Далее А. Михник рассказывает о тех трудностях, с которыми столкнулась концепция Центральной Европы в девяностые годы, после падения коммунизма. Но как бы там ни было, наряду с общеевропейской и евроатлантической идентичностями, в конце XX в. Польша обрела еще одну (крайне важную и перспективную) – центральноевропейскую. **Им было куда идти.** В отличие от нас. Когда-то, четверть столетия назад замечательный мыслитель и ученый А.Б. Зубов назвал одну из своих статей так – «Из империи в ничто?» В известном отношении оказалось «в ничто». Не менее адекватно было осторожное наблюдение тех же примерно лет знаменитого Эрнста Геллнера: «Мы можем теперь изучать Россию, чтобы понять, как гражданское общество может возникнуть из вакуума (если оно может из него возникнуть)»¹³. Так что из «вакуума» в «ничто». Конечно, это слишком суровый

---

10. Михник А. Указ соч. – С. 264.

11. Там же.

12. Там же. – С. 264–265.

13. Вестник Московской школы... – С. 148.

и прямолинейный приговор. Наличная жизнь гораздо сложнее и не абсолютно бесперспективна. Но как тенденция это так.

* * *

Правда, в начале девяностых годов у меня была надежда на то, что в России возможна широкая, структурированная, конструктивная демократическая оппозиция. Ведь сумели же мы в конце восьмидесятых – начале девяностых – худо-бедно – сделать это (да, не очень структурировано, не всегда конструктивно, но...). И разве не свидетельствовали об этой возможности социологические опросы. До 20% населения хотели бы жить в правовом государстве, свободном, конкурентном обществе. И это не менее 30 млн взрослых людей (в основном жители больших и средних городов). С количественной точки зрения все в порядке.

Но не получилось. Не оказалось готового к преобразованиям и борьбе за них исторического субъекта (мы уже говорили об этом). Что же нам остается? – Ну, прежде всего, осознать: **что** происходит. Судя по всему, нас ждет довольно длительное существование в условиях радикальной несвободы и подавления инакомыслия. В большинстве своем граждане России приветствуют (с разной степенью вовлеченности и энтузиазма) установление подобного порядка.

Можно, конечно, списать все на губительную советскую систему, на грабительские девяностые, на падение цен на нефть, подкосившее наше историческое здание... Однако посмотрим на наличное (не вымышленное, не чаемое) общество. Газета «Ведомости» (28 мая 2015 г.) публикует данные: живущие на зарплаты, пенсии, госпособия – 66,3% населения; бизнесмены, люди свободных профессий, отходники – 15,2%; лишенные свободы, судимые, бомжи – 13,4%; представители власти – 5,1%. За последние двадцать лет каждый восьмой мужчина прошел через заключение; знаком с криминальной субкультурой каждый четвертый мужчина.

Да, структура современного русского общества «впечатляет». И, наверное, объясняет, почему не получается. Конечно, социологи и историки назовут причины становления подобной «конфигурации». Но мы же не только это хотим и должны знать. Ведь главный наш вопрос: **как** выздороветь? И возможно ли **это**?

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

ТРИ ЭТЮДА О ПРАВЕ

Право как инструмент возрождения тоталитаризма

Что обязательно предполагает право в классическом (европейском) его смысле? – Носителя права, субъекта права, правообладателя¹⁴. При отсутствии такового оно становится орудием (дубиной) власти. В России середины десятых годов XXI в. стало очевидным: право (повторю, классическое) невозможно во властицентричной культуре, только – в антропоцентричной.

Когда-то В.О. Ключевский сказал о Петре I: «Узаконил отсутствие закона»¹⁵. Сегодня у нас узаконено отсутствие права (нет его носителей), бесправие. Все знают марксистский постулат: право – воля господствующего класса, введенная в закон. Это полностью применимо к России начала XXI столетия.

Мы уже на своей шкуре убедились: право и диктатура несовместимы. Этот вывод не очень впечатляет своей новизной? Что ж, зато он весьма ощущим. О чем говорит опыт России последних пятнадцати лет? – Если процесс детотализации не доведен до определенной черты, до точки невозврата, когда уже реставрация невозможна, то начинают возрождаться сохранившиеся потенциалы тоталитарного. Конечно, это не повтор прошлого, даже не новодел а ля советник. Эссенция тоталитарного стремится выплыть в какие-то иные формы, обретает новые качества и свой собственный алгоритм роста. И что очень важно: они обладают способностью «тотализировать» новые явления, институты, процедуры. Те, что возникли в ходе постсоветского развития, в целом либеральные по своей природе.

Хорошо известна точка зрения крайне правых и крайне левых идеологов: либерализм является питательной средой фашизма (шире – тоталитаризма), порождает его (не стоит удивляться схожести позиций антагонистов; вспомните Иосифа Виссарионовича: пойдешь налево, придешь направо; или – наоборот, точно не помню). Мне всегда был отвратителен этот вывод; он казался оскорбительным для высокой либеральной мечты и порядка. Сегодня я думаю так же. Но... опыт жизни в постсоветском обществе открыл мне следующее: там, где либеральное есть лишь фрагмент, набросок, «немейнстрим», оно может быть переработано в тоталитарное.

---

14. Немецкий юрист и политический мыслитель Карл Шmitt говорил: «Государственный закон до тех пор остается правом, покуда действительностью является ни от кого не зависящая единичность индивида» (Schmitt C. Glossarium: Aufzeichnungen der Jahre 1947–1951. – B.: Duncker a. Humblot, 1991. – S. 213.)

15. Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций: В 3 т. – М.: Мысль, 1993. – Т. 3. – С. 61.

В каком-то, очень определенном, смысле либеральное 1990-х – начала 2000-х годов можно сравнить с НЭПом 1920-х. Последний был конвертирован в сталинизм. А его историческая роль свелась к частичному реанимированию страны после революций и войн, т.е. подготовке к тоталитарной переделке. Октябрь 17-го, помимо прочего, уничтожил новое, гражданское, то, что шло на смену традиционалистскому. Как становится очевидным сегодня, революция конца восьмидесятых – начала девяностых смела *новое советское* (интеллигенция, наука, инакомыслие etc.), которое вроде бы победило, но в конечном счете было растерто в жерновах девяностых. Они перемололи не номенклатуру, КГБ, чиновничество, милитаризм и т.д., но это самое новое советское.

Старое советское, воспользовавшись невиданными в СССР возможностями и свободами, уничтожило *новое советское*. В Союзе этого быть не могло. «Застой» был формулой равновесия старого и нового. Так сказать, исторический компромисс. Следует подчеркнуть: новое по преимуществу было «гуманитарией», не имело организационных навыков и умения открытого противостояния. Поэтому они и стали жертвой опытного хищника. Постсоветский либерализм и был той пищей, пожрав которую начал возрождение русский тоталитаризм. Причем используя главный либеральный инструментарий – право.

Об опасности права. Право как произвол

Правозащитники внесли в русское сознание и культуру идею права как фундаментальной, а не инструментальной ценности и тему прав человека, (впервые я услышал это от Сергея Лёзова где-то в 1985 г.). Реализация этого была одной из целей перестройки и первых лет существования Российской Федерации. Но через четверть века оказалось, что законы и юридические механизмы используются не для обеспечения прав человека, но – напротив, для лишения его таковых. Казалось, общество устремилось к свободе, правовому порядку, безопасности на основе права, а въехало в «безурядицу» (В.О. Ключевский о Смуте) полицейско-юридического насилия и бессилия человека перед этой машиной.

Однажды в русской истории мы уже наступали на похожие грабли. Свободное развитие каждого – условие для свободного развития всех. Хорошо, точно, радостно. Даже трудно поверить, что это сказал вечно раздраженный, неудовлетворенный, заносчивый человек. И скучный. А эти слова действительно веселые. – Но оказалось, что его европейские, азиатские, латиноамериканские и т.д. ученики, отталкиваясь от этой максимы, соорудили в своих (и чужих) странах такие пыточные камеры, что...

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

В чем же дело? Марксизм начинался как гуманистическая утопия идеального будущего. Когда отцы-основатели закончили свой земной путь, их учение уже не было никакой такой утопией. А было: сложным сочетанием инструкции по безжалостному уничтожению наличного мира (разумеется, несправедливого; но разве случается иной?), глубокого анализа социально-экономического устройства Европы второй половины XIX в. и атеистически-религиозного проекта «конца истории», которое навязывалось средне- и малокультурному большинству в качестве нового и единственного варианта спасения (в квазистереологическом смысле). Почему марксизм победил? В России, Китае, Вьетнаме, Камбодже, Никарагуа, на Кубе и т.д. потому, что был удобным, эффективным, адаптивным (к совершенно разным национальным традициям) и беспощадным орудием и оружием для реализации *безответственных* планов по устроению лучшего мира. Марксизм является самым убийственным примером интеллектуально-психологического *безответствия*.

Правда, существует и другой марксизм – Каутского, Бернштейна, Жореса, социал-демократов и социалистов. Но они марксисты лишь в том смысле, что озабочены «судьбой человека» в его социально-справедливом измерении. Они использовали марксизм, присваивая себе некоторую его тематику, социальную критику и интенцию справедливости. Это – «европейский марксизм». Он так же отличается от евразийско-азиатско-латиноамериканского, как умеренно-влажный морской климат от резко континентального. Замечу: в том, что я говорю, нет ни грана климатического расизма (ведь и сам выходец из «резко континентальных»). К тому же климат в моем контексте – категория не природного мира, но – нравственного, т.е. выбор, решение, ответственность. (И хотя это уводит в сторону, не могу удержаться: формационные и цивилизационные концепции при всем их величии и блеске растаяли или замерзли (кому что ближе) как раз в марксистскую эпоху. Время безответственности.)

* * *

С марксизмом мы ушли в сторону от правовых материй. Но, повторю, мне кажется в чем-то существенно схожим наше обращение с правом и этим научно-идеологическим феноменом. Однако Генеральная прокуратура России вернула меня к разговору о юридическом.

Относительно недавно ее официальный документ зафиксировал: решение о передаче Крыма в состав УССР было принято президентами Верховных советов РСФСР и СССР с нарушением Конституции РСФСР и СССР.

Получается, что Генпрокуратура РФ хочет переписать историю. Это еще один пример того, как в неправовом по своему характеру обществе право можно использовать в качестве дубинки.

Если еще совсем недавно правящие круги России боролись с фальсификацией истории, т.е. с неверным или лживым, с их точки зрения, ее пониманием, то теперь уже они начали ее исправлять. Это примерно так же, как человек в свои зрелые годы, осознав какое-то свое действие в прошлом неправильным, объявляет его небывшим.

Ведь что сделала Генпрокуратура? Она назвала ошибочным действие кремлевской верхушки в 1954 г. Тем самым юридически вернула Крым в состояние до 1954 г., а все то, что было с Крымом после 1954 г. назначила считать небывшим. В том числе и Конституцию УССР 1978 г., согласно которой Крымская область являлась составной частью Украины.

То, что решение Генпрокуратуры с правовой точки зрения – нерелевантно, можно не обсуждать. Современная Украина – и это признано международным правом – полагает себя правопреемницей УССР. И на этом основании, а не вследствие решения Хрущёва, рассматривает Крым своей составной частью.

В целом же решение Генпрокуратуры создает не просто опасный, но убийственно опасный прецедент. Пофантазируем. Генпрокуратура объявляет юридически несостоятельным и фактически недействующим решение Верховного Совета СССР о включении в состав РСФСР Карело-Финской ССР на правах автономной Карельской Советской Социалистической Республики (напомним: в 1940–1956 гг. Карело-Финская Республика имела уровень союзной). В этом случае Карельской автономии возвращают права союзной республики. А поскольку из состава СССР вышли все союзные республики, то Карело-Финская обретает независимость и госсуверенитет. То же самое можно сказать о Республике Тыва, которая в 1944 г. вступила в состав СССР и т.д.

Генпрокуратура (читай: Кремль) хочет контролировать и переделывать не только современное российское общество, но и российскую и мировую историю. В современной практике есть два типа сил: жесткая и мягкая, hard и soft powers. Россия, видимо, изобрела третью – юридическую, которой подвластно все – даже история.

Естественное право и идеология

Великий правовед (и по совместительству один из основателей французской политической науки) Леон Дюги говорил, что история знает два мифа, легитимирующих социальные порядки и власть, – сакральный и демократический (он же – либеральный, правовой). Второй приходит на смену первому. При этом речь идет не только о легитимации, но и о регулировании функционирования общества. Принципиально отличаясь друг от друга, оба мифа содержат важнейшее общее: признание равенства людей в главном. В рамках

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

религиозного – перед Богом, в рамках правового (либерального, демократического) – перед правом. Это равенство (ключевое для культуры) обеспечивается естественным правом. Которое, заметим, имеет сегодня два главных извода – религиозное и «посюстороннее».

Повторим: признание равенства людей в главном. В «неглавном» равенство в обоих случаях не предполагается. Поскольку иерархичность, плюральность, социальные различия суть имманентные для каждого общества состояния. Но не они являются предельными характеристиками человека¹⁶.

ХХ век принес иной миф, появился иной регулятор. Это не значит, что окончательно ушло сакральное; что же касается правового, то оно, напротив, резко усилилось. Просто появилось нечто третье. **Идеология**. Речь здесь идет не о консервативной, либеральной, социально-демократической; они вполне вписываются в правовую парадигму. Имеются в виду – коммунистическая, фашистская, национал-социалистическая (расставлены согласно временному ранжиру). Разумеется, эти идеологии во многом различны и даже антагонистичны. Но в двух пунктах идентичны. Оправдание насилия, борьбы и утверждение неравенства в главном (да, да, это относится и к коммунистическому мифу).

Все три идеологии (фашистская в меньшей степени) построены на классовой борьбе, борьбе рас, наций и т.д. И здесь большой роли не играет то, что коммунизм ставил своей конечной целью полное равенство во всем, а фашизм – построение солидаристского общества на базе корпоративного мира и сотрудничества. По дороге к этим целям и предполагалась, и осуществлялась политика насилия, направленная против абсолютного большинства граждан. Это-то и есть главное. Религиозное (сакральное) говорило: помиримся через любовь к Богу и друг к другу и во имя этой любви. Правовое (либеральное, демократическое): помиримся через договор и во имя мира (чтобы не было свары). Идеологическое: кто не с нами, тот против нас, кто не «мы», тот не имеет права на существование.

Суть идеологического точно выразил Карл Шmittt, крупнейший правовед и политический мыслитель ХХ столетия. Одновременно – «коронный юрист» Третьего Рейха, теоретик тоталитарного нацистского режима, апологет антисемитизма. Ему принадлежит такая максима: «Скажи мне, кто твой враг, и я скажу тебе, кто – ты». И «поправляя» Декарта: «*Distingio ergo sum*» («Разделяю, следовательно, существую»). Человек и коллектив существуют только в том случае, если у них есть враги. «Иметь врагов» равняется «существовать», «иметь врагов» – онтологическое качество. Бытие, бытийственность

---

16. О «предельном» и «непредельном» в человеке Монтескье: «Я являюсь человеком благодаря природе; я являюсь французом благодаря случаю».

вне и без врагов и борьбы с ними невозможно по определению. Идентифицировать врага – важнейший шаг и единственный способ самоидентификации. Обо всем этом смотри постыдные и по-своему гениальные послевоенные дневники Карла Шмитта¹⁷.

Вместе с тем идеология заимствует (может быть точнее: эксплуатирует) важные компоненты у своих предшественников (во временнm смысле). У сакрально-религиозного: наличная (физическая) жизнь человека лишь подготовка к будущей – в тысячелетнем рейхе, нескончаемом коммунизме. Остается только «верить» в это. Знать не дано. У либерального: особым образом интерпретируемый лозунг «свобода, равенство, братство». У одних для арийцев, у других для всех, кто будет жить при коммунизме. И это тоже идеал (цель). Если сейчас не получается, давайте работать (бороться) дальше. Может, выйдет. Надо верить. То есть типологически схоже с заимствованием у религиозного.

Однако естественного права в составе идеологии нет. Наличие его сделало бы невозможным дискредитацию по социальным и национальным признакам. Тогда в конечном счете все были бы равны. Естественное право, напомним, это то, что объединяет (или соединяет) сакральное и профанное, трансцендентное и посюстороннее.

И еще одно обстоятельство. Религия и право говорят о человеке – личности и индивиде. Идеология о группе (массе) – классе, этносе, расе. У Б. Пастернака в романе утверждается, что с приходом Христа (христианства) закончилась история царств, империй и т.п., и началась история человека. Идеология, сметая религию и право, возрождает «массовости».

Сегодняшнее алкание идеологии крайне опасно.

СУД ИДЕТ?

25 июня этого года состоялась пятая сессия Конгресса интеллигенции. На ней было принято обращение провести «Общественный трибунал над сталинизмом, Сталиным и его ближайшим окружением» (настоящий суд – с судебной коллегией, обвинением, защитой). Его подписали многие (в том числе и я). Но некоторые положения этого обращения вызвали у меня вопросы. К примеру: судить Сталина и его приспешников «в соответствии с нормами советского права»? Для меня это сомнительно. При этом в проекте «Устава общественного трибунала...», представленного на сессии, с одной стороны, говорится о применении уголовного законодательства «периода правления

17. Schmitt C. *Glossarium: Aufzeichnungen der Jahre 1947–1951.* – B.: Duncker a. Humblot, 1991.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Стилена» (1929–1953), с другой – о последующей передаче «материалов в уполномоченный орган государственной власти для принятия процессуальных решений в соответствии с действующим процессуальным законодательством РФ». Мне трудно представить, как можно судить Сталина (и любого другого деятеля прошлого) с позиций законодательства сегодняшнего дня.

Поначалу несколько соображений по поводу предмета разбирательства. С моей точки зрения, Сталин не может быть поставлен в один ряд с Молотовым, Кагановичем и др. И дело здесь не в масштабе преступлений и ответственности за них. Зададимся вопросом: не покончи Гитлер самоубийством, попади он в руки союзников, Нюрнбергский трибунал прошел бы в том же формате, или нет? Думаю, было бы иначе. Кейтель, Шахт, Риббентроп и др. и даже Геринг – это одно, а Гитлер иное. Их судили за конкретные преступления. Для Гитлера это не просто «мелковато», это – ни о чем, не по адресу.

Объясню, что имею в виду. Дуче и фюрер переводятся на русский как «вождь». Не государственные деятели, не политики, но – вожди. Что-то из очень прошлого: вожди племен. Эти последние, как правило, совмещали в себе сакральную, властную, хозяйственную и иные функции. В силу определенных исторических обстоятельств вожди оказались возможными и даже востребованными в России, Италии, Германии, некоторых других странах. Глубокое разочарование в наступающей Современности (Modernity), с ее демократией, рынком, нестабильностью и неуверенностью в завтрашнем дне, плюс куча нерешенных проблем дня вчерашнего, плюс разрушительные последствия Первой мировой позволили этим «вождям» захватить власть.

Общим для Муссолини, Гитлера и Сталина была апелляция к славному прошлому. Итальянец облачался в тогу римского императора, немец обращался к реминисценциям из истории древних германцев, русский, позже других, но все же устремил свой взор к «нашим великим предкам» (более всего, видимо, был солидарен с Иваном Грозным). Подчеркнем: дуче и фюрер опирались на дохристианское, языческое бытие своих народов, генеральный секретарь – просто на прошлое, словно не замечая в нем христианства и церкви (кстати, к языческим временам он и не мог обратиться – по причине сравнительной краткости нашей дохристианской истории).

Однако все три вождя жили в обществах христианского типа. И хотели они этого или нет, были «вписаны» в структуру именно такого мира. В тот момент он переживал кризис – самопонимания, самоидентификации, веры, наконец (в Италии в меньшей степени). Народы, разуверившись во всем, ждали «спасителей». И они явились. На них в значительной мере были перенесены упования страждущих. Эти выродки были в глазах людей христами.

Их образы заняли в душах итальянцев и немцев место Христа. В Германии просто говорили о Гитлере как о явлении арийского Христа¹⁸. Муссолини было сложнее. Через «дорогу» находился Ватикан с Папой, а через другую – король.

У нас иная история. Наместником Бога, Христа традиционно был царь: царь – священник, царь – живая икона. Но царизм рухнул, а «неудачника, недотепу, подкаблучнику Николашку» пристрелили (вместе с наследником). Душа же народа по-прежнему жаждала царя – спасителя, избавителя, грозного и справедливого. Сталин прекрасно справился с этой ролью. Не знаю, додгадывался ли бывший семинарист¹⁹, что в сознании народа, в опустошенной его психологии он занял место Божественного Царя. Но и одновременно реализовал многостолетний народный запрос на царя мужицкого, – и это включил в свой образ (человек из народа, в заношенных полу военных кителях и в сапогах с заплатами). Кстати, народ простил ему и гонения на церковь, и уничтожение крестьянства, и пр.

Такого рода персонажи не подлежат суду. Даже Нюрнбергскому. Проблема в том, что хотят «разобраться» с историческим Сталиным, а он уже давно устойчивый миф. Из тех, на которых строится общественное самопонимание. Борясь со Сталиным-преступником, мы мало затрагиваем миф – опасный, разрушительный.

Скажу больше. В значительной степени я согласен с тем, что говорят о Сталине его поклонники – только у них все это вызывает восторг, а у меня ужас и отвращение. Для них Сталин и есть русская идея. В нем воплотилось всё – и «Третий Рим», и «Православие. Самодержавие. Народность» (выяснилось, что именно он воскресил церковь из мертвых, а гнали ее исключительно кагановичи и губельманы), и вековечная коммунистическая мечта русского народа. Иными словами, пока власть и интеллектуалы пытались сформулировать национальную идею, люди нашли ее сердцем. Разумеется, какого-то официального одобрения верхов пока ожидать не приходится (что будет дальше, мы не знаем). Да в общем и не надо. Ведь Сталин – это «наша» сокровенная любовь, а не показуха или нечто навязанное. Когда-то Ленин утверждал, что Россия выстрадала марксизм. Оказалось: ошибся. «Мы» выстрадали Сталина.

Сегодня (может «завтра» будет иначе) никакой, даже самый убедительный и доказательный рассказ о преступлениях Сталина не поколеблет его

18. Движение «немецких христиан», в которое вошло до четверти протестантских священников, утверждало, что Гитлер есть явление миру и в мир «арийского Христа».

19. В России хорошо известно, что мать Сталина мечтала видеть его священником. И мать Гитлера своего сына – тоже.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

культы у большой части населения России. Ведь настоящей, действенной, рассчитанной на поколения (да-да!) десталинизации, декоммунизации, десоветизации не было (и не предвидится). Через десять лет после окончания войны (1955) в Западной Германии был проведен опрос об отношении к Гитлеру. Так вот, более 50% людей положительно оценили личность и деятельность тевтонского людоеда. После стольких усилий союзников, немецких демократов, после уничтоженной и униженной страны, после ее небывалого поражения, после экономического возрождения, после тотальной и жесткой денацификации²⁰ немцы (в своем большинстве) сохранили любовь к Гитлеру²¹. Кстати, и Муссолини у немалого числа итальянцев вполне себе герой и «отец народа». Что про нас-то говорить!

А каково отношение власти к Сталину-мифу? С одной стороны, он вроде бы должен мешать ныне начальствующим. Можно проиграть при сравнении, да и в тени этого гиганта остаться. Но, с другой – выдвинув Войну на место центрального события русской истории, они, безусловно, возвели его на самый высокий пьедестал. Если важнейшее в нашем прошлом (и настоящем!) Война, а Сталин, что бы там ни говорили его противники, главный в ней, то и получается… Я несколько раз писал (и не буду здесь повторяться) о том, что современный русский режим имеет своим происхождением Великую Отечественную – там его корни. И там он черпает историческую легитимность. Следовательно, Сталин – источник нынешней власти, «столп и утверждение». Поэтому сталинский миф, что бы негативного о сталинизме ни говорили в разное время российские лидеры, – «живая вода» властной системы середины десятих годов XXI века.

Каковы мои возражения против того, чтобы Сталина (да и всех его приспешников) судить по советским законам? Если мы пойдем на это, то придадим советскому «праву» (законам) статус права. То есть мы легитимируем и легализуем советскую систему. Логика здесь такова. Мы покажем, что Сталин нарушал советские законы, что он – преступник. Следовательно, автоматически признаём советские законы и утверждаем наличие в СССР правопорядка. Тогда все сводится к старому, прозвучавшему в докладе

---

20. К примеру, программа «Re-Education» предполагала принудительные экскурсии в места массовых убийств, демонстрацию в кинотеатрах зарубежных фильмов о концлагерях. Через общенациональную антисемитскую систему «Politische Bildung» прошло практически все население ФРГ.

21. Да и не только к этому «взбесившемуся неотесанному плебею» (Т. Мани). В 1959–1960 гг. в Западной Германии прошли многочисленные антисемитские pogromы. Около 20% опрошенных граждан заявили тогда, что евреи отчасти сами виноваты в том, что их убивали.

Н.С. Хрущёва на XX съезде, тезису: нарушение социалистической законности.

Вообще-то, конечно, имеется некая высшая элегантность в «советском» суде над Сталиным. Он убивал «нас» статьями своего законодательства, теперь мы найдем статьи для него. Его же удавкой – его же. Да, но таким образом Сталин отделяется от тогдашних законов. *А он и есть эти законы.* Иосиф Виссарионович не нарушал социалистическую законность, но – воплощал. Другое дело, что она и была абсолютным нарушением законности. Причем не какой-то «абстрактной», а выработанной в ходе эволюции европейско-христианского исторического субъекта («элементом» которого, вне сомнения, являются и русские).

Попутно замечу: советское законодательство принципиально отличалось от национал-социалистического. Гитлер не отменил Веймарской конституции 1919 г. и «буржуазного» правопорядка. Были внесены очень важные «тоталитарные» изменения, калечившие правовую систему. С годами «правоприменение» становилось все более насилиственно-террористическим. Специалисты говорили о двух государствах в рамках Третьего рейха: традиционного Веймарского и нового национал-социалистического. Причем пространство первого постоянно сужалось. И тем не менее сохранялись остатки правовой государственности.

Большевики же, что хорошо известно, начали с принципиального отказа от ценностей цивилизованного мира. Отрицались религия, государство, право, семья, частная собственность, деньги etc. Жизнь оказалась сильнее. Что-то пришлось вернуть, – правда, в изуродованном виде. Это касается и юридической материи.

Внешне имелись конституции (1918, 1924, 1936, 1977 гг.), законы, суды, прокуроры, адвокаты. Но право не возвратилось в советское общество. (Речь даже не о чисто террористических законах, подзаконных актах, постановлениях и т.д.) Приведем пример – КПСС. В Конституции 1936 г. о КПСС (тогда – ВКП(б)) говорится в глубине текста и как-то мимоходом (Глава X. «Основные права и обязанности граждан», ст. 126): «...наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса, трудящихся крестьян и трудовой интеллигенции добровольно объединяются в Коммунистическую партию Советского Союза, являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за построение коммунистического общества и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных»²². – Заметим: все это как-то рыхло, общо, не по-юридически. Декларативно.

22. Конституция общенародного государства. – М.: Политиздат, 1978. – С. 242.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Ситуация несколько изменилась в Основном законе 1977 г. В главе I «Политическая система» имеется знаменитая ст. 6. «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия»²³. Это уже весомее, определеннее, так сказать, политичнее.

Действительно, коммунисты верховодили во всем. Только вот одна неприятность. С 1917 по 1991 г. в СССР не был принят закон о коммунистической партии. Поэтому даже в рамках советского права это была нелегальная, подпольная организация. Конституционные тексты 1936 и 1977 гг. провозглашали господство не существовавшей в правовом пространстве организации. Парадоксальным образом, некую легитимность КПСС придал Указ Б.Н. Ельцина о запрете деятельности этой «партии» на территории (тогда еще) РСФСР. Ведь нельзя же юридически запретить то, чего юридически не существует. Эдакая посмертная легитимация и легализация.

В отличие от сталинского Союза в гитлеровском Рейхе 1 декабря 1933 г. был принят Закон об НСДАП («корпорация публичного права»)²⁴. То же касается правового статуса первого лица в Союзе и в Рейхе. Никакого генерального секретаря в конституционных текстах и законодательстве нет и в помине²⁵. А вот Гитлер озабочился своим правовым положением. 1 августа 1934 г. внес изменения в Веймарскую конституцию: «Законом о главе Германского рейха» он объявлялся одновременно и рейхспрезидентом и рейхсканцлером. 2 августа 1934 г., в день когда умер Гинденбург, Гитлер упразднил пост президента, теперь он был «фюрер и рейхсканцлер».

Да, вдогонку. Закона о КГБ у нас тоже никогда не было. И нигде в «правовых» документах эта организация не упоминалась. Нелегалы...

Мне возразят: принципиальный отказ судить Сталина есть заблуждение. Вы утверждаете, что Сталин – миф, Сталин – псевдохристос, Сталин – псевдосакральный царь, Сталин – русская идея не может быть «измерен» статьями законодательства (советского, но это в *данном* контексте не важно; главное вообще правом). Напротив, скажут мои оппоненты, через суд мы демифологируем такого Сталина. С «небес» да на грешную землю. И смотришь: это уже не псевдогод и сказочное «наше все», а человек, нарушавший законы, виновный в таких-то конкретных преступлениях.

В противном случае – если не судить – Сталин останется во всех этих своих образах. То есть Вы сами того не ведая, льете воду на мельницу сталино-

---

23. Конституция общенародного государства. – М.: Политиздат, 1978. – С. 113.

24. Точное название: «Закон об обеспечении единства партии и государства».

25. В проекте «Устава...» говорится о «превышении должностных полномочий». Но какие должностные полномочия были у главы нелегальной по этому самому праву партии?

поклонников. Все Ваше рассуждение есть по сути апология Сталина, пусть цели были прямо противоположные.

Что ж, частично я готов принять эти гипотетические возражения. Вообще заманчиво (в хорошем смысле) отбросить высокопарность, мифологию и перейти к нормальному юридическому «разговору» с гражданином Сталиным (Джугашвили). Наверное, кому-то (даже, допускаю, многим) это откроет глаза на «полководца полководцев» (маршал Д. Язов о своем Верховном). Разве не этого хотим мы?!

Но... представим себе немцев в нашей ситуации. Рейх устоял во Второй мировой. Гитлер умирает (скажем) в шестидесятые. Режим смягчается, на XXIV съезде НСДАП в Нюрнберге канцлер Шахт обвиняет почившего фюрера в нарушениях национал-социалистической законности. Реабилитируют Рема, Канариса и др. Затем все происходит примерно по нашему сценарию... И в 2015 г. демократическая общественность Германии, обеспокоенная ростом симпатий к Гитлеру и расширением гитлеровских практик в немецкой повседневности, приходит к идеи трибунала над этим преступником и его бандой. Трибунала, разумеется, общественного. Что эти прогрессивные люди с основательностью, присущей «германскому гению», и делают. Затем материалы передаются в Прокуратуру Федеративной Республики.

Чиновники немеют от неожиданности. Им предлагаю начать уголовное преследование бывшего «фюрера и рейхсканцлера» и его окружения за нарушение законов тридцатых–шестидесятых годов ХХ в., давным-давно не действующих. К тому же и созданных этими «фигурантами». Тем самым прогрессивная германская общественность не только «признает» эти законы, но и поднимает вопрос об актуальности их использования, т.е. своеобразной реанимации. Следовательно, «юридические практики» гитлеровских времен переживают второе рождение...

Мы рискуем оказаться в схожей ситуации. Убежденные антисталинисты потребуют от государства применения сталинского правосудия.

Тем не менее, принимая во внимание всю проблематичность идеи трибунала, полагаю любое противодействие Сталину, сталинизму оправданным. Более того, необходимым. Это протест против сталинизации нашей жизни и власти. Необходимо использовать каждый шанс, каждую инициативу (даже если не всегда согласны с конкретной формой противостояния).

Убежден, к этому нас подталкивает ситуация. Сегодня мы переживаем возрождение и новый расцвет «культта» Сталина. Он действительно не остался в прошлом, а растворился в будущем (нашем настоящем). Общество снизу до верху пронизано его мифом. И современный режим в своей эволюции, не исключено, «встретится» со Сталиным. Не случайно современники отмечают расширение сталинских практик в российской повседневности. В чем же дело?

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Поскольку десталинизация всерьез не состоялась, то активизировался противоположный процесс. В этом – раньше мы просто не могли этого знать – закономерность эволюции посттоталитарных обществ. Они либо становятся нетоталитарными, либо имеют тенденцию двигаться вспять, к новому изданию тоталитаризма. В явном виде это происходит только в России. Историческая судьба ее, видимо, такова: сами первые сотворили тоталитарное устройство, сами должны избавиться от него. Наших бывшим солагерниками из Центрально-Восточной Европы повезло – их включили в европейские и евроатлантические структуры, тем самым купировав возможность реставрации. Впрочем, все справедливо – без СССР тоталитарные режимы там мало представимы; да и были они в целом помягче, покороче, в той или иной мере сохранив некоторые элементы гражданского общества. Но – внимание! – в тех сегментах и социальных группах этих бывших «наших», в которых по той или иной причине детотализация оказалась поверхностной, можно обнаружить процессы, схожие с российскими; к примеру – Восток Германии, Венгрия, Румыния.

При подготовке трибунала над Сталиным, вне зависимости от нашего желания, возникают аллюзии на Нюрнбергский трибунал. Все понимают гигантскую разницу ситуаций, но тем не менее... иных значимых прецедентов нет. – Оставил в стороне целый ряд наблюдений и рассуждений по поводу Нюрнберга, обращу внимание на его схожесть с XX съездом КПСС (разумеется, посыпятся возражения, подождите...). Скажу резче: это и есть *русский* Нюрнберг, другого не будет, другой невозможен. Но в чем схожесть?

И там, и там речь шла не об обвинениях, основанных на определенном законодательстве, но об апелляции к естественному праву. Про тот Нюрнберг это хорошо известно, однако разве и «наши» прошел не по этому пути? Конечно, в устах Н.С. Хрущёва обвинение Сталина в «нарушении социалистической законности» и ленинских норм жизни и было по существу доступным для него и его соратников обращением к «естественному праву». *Их* естественному праву – к неким туманно-гуманным (надуманным) высшим ценностям. *Это* можно оспорить и брезгливо отбросить. Но я бы не стал. Типологическая схожесть, с моей точки зрения, безусловна. И многое объясняет в нашей истории и месте в ней XX съезда.

Далее. В чем сегодняшняя особость сталинизма и Сталина-мифа? До смерти тирана сталинизм был всем и был, так сказать, естественным состоянием общества. В 1956 г. его объявили неким нарушением абсолютно правильного порядка. То есть сузили, сократили до «нарушения соцзаконности». Тем самым маргинализировали некоторые его черты и отделили от хорошего, правильного. Так или иначе произошло – до определенной степени, конечно, – противостояние сталинских ошибок / преступлений и «успешного строительства социализма». И во временнóм отношении ограничили сталинизм:

рубеж двадцатых–тридцатых до начала пятидесятых. Причем война 1941–1945 гг. по сути вычиталась. В этот период «плохое сталинское» хоть и было, но играло значительно меньшую роль.

Во времена Леонида Ильича сталинизм и Сталина почти реабилитировали, но все-таки отделяли от прекрасного настоящего. Во всяком случае полностью не впускали сталинское в современность. В девяностые оно пережило худшее: дискредитировалось, разоблачалось, отвергалось.

Но с началом века, отчасти мы уже говорили об этом, дело пошло на поправку. Более того, сложилась качественно новая ситуация (это – важнейшее). Власть и значительная часть общества, признав преступления, включили Сталина и сталинизм в великую русскую историю и современность. Вернули их. Причем сделано это было весьма искусно. – Вот очередной телесериал, в нем обязательно Сталин и его подручные, никто не скрывает их жестокости и, может даже, злодейства, но и не «замалчивает» их незаменимую историческую роль. «Шекспировская» картишка. Исторические хроники. Да, лилась кровь (а где и когда не лилась?!), да, были незаконно репрессированные (а где и когда их не было?!), да ... и т.д. Но – мы построили, мы победили, мы первыми в мире...

Думаю, таких прочных позиций у Сталина и сталинизма не было **никогда**. Даже в период их, казалось бы, абсолютного владычества. Тогда, пусть и скрывая (даже от себя), очень многие страдали от боли, страха, неопределенности. Тогда сияющий мир, запечатленный советским кинематографом, в одночасье мог смениться каким-нибудь Дубровлагом. Ну а повседневный ужас коммуналки, барака, голодной деревни, изнурительного труда, бедненежья, совершенной социальной и правовой незащищенности (это не по книжкам – автобиографическое) был сутью человеческой жизни.

Теперь же ничего этого нет. Нет даже саднящей памяти об этом. Носители боли в основном вымерли. Остался кинематограф. В разных смыслах этого слова...

Как судить Сталина за конкретные преступления? Да, «мы» их признали, осуждаем, сочувствуем. Но ведь Сталин этим не исчерпывается. Это наша победа, наша мощь, наша гордость. В конечном счете жизнь и судьба. Как же от этого отказываться?!

Россия сотворила свой исторический компромисс: она согласилась с тем, что в Сталине и сталинизме имелись позорно-преступные черты, и включила это зло в свое понимание добра, нормы, истории. Она сегодня не отдаст Сталина, поскольку без него народ неполный (так сегодня понимает себя народ). Произошла, как говорила по другому поводу Ханна Арендт, банализация зла. В смысле: ну, с кем не бывает, а в целом замечательная жизнь и люди.

Предполагаю: как социальная затея трибунал провалится. Никаких правовых последствий не будет. Но, убежден, будет приобретен новый и бесцен-

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

ный опыт разоблачения зла. Будет сделан – какой-никакой – шаг в десталинизации сознания граждан России. Будет заявлено громкое «нет» фактической сталинизации власти и социума. Преподаватели социально-гуманитарных дисциплин средней и высшей школы (из тех, кто действительно любит свою Родину) получат дополнительную аргументацию и информацию, необходимые для антисталинских прививок молодежи.

И главное, что мы должны осознать: борьба со Сталиным и сталинизмом это противостояние свертыванию свободы в нашей стране. Это противостояние тому, чтобы вновь не стала актуальной горькая истина середины XX в.: вологодский конвой шуток не понимает.

ЧТО ТРЕВОЖИТ

Конспирология

Давно замечено: в неустойчивые времена в обществе (любом) активизируются всякого рода «оккультные» настроения. Парацелигозные, квазирелигиозные, «магические» и т.д. Научная картина мира подвергается интенсивным атакам со стороны пересмотрщиков исторической хронологии, открывателей «биополя», теоретиков какой-то иной физики. Разумеется, – это отчасти отражение и выражение той самой неустойчивости, фрустрации, кризиса идентичности, отчасти – реакция, нередко агрессивная и разрушающая, на некоторую неподвижность, «застойность», пресность господствующих убеждений, концепций, классической (традиционной) науки в целом.

Еще, безусловно, здесь присутствует характерное для человека вообще «искушение» заглянуть за горизонт, прикоснуться к «последней» тайне, самолично воскресить умерших etc. То есть при всей фальши и неадекватности этого исторического мусора (увы, загрязняющего атмосферу; а ведь и так дышать нечем) его наличие, всплеск энергии, агрессивность – вполне объяснимы. Это не значит, что социально-психологически и даже политически они не опасны. Что им можно и не противостоять. Мол, само собой уляжется, успокоится. Нет, конечно, это не так. И задача вменяемого ученого бороться с ними.

Но в такие неустойчивые эпохи общества сталкиваются и с гораздо более опасными и коварными вызовами. С попытками взорвать культурный фундамент социального развития человечества. К ним не в последнюю очередь относятся различные конспирологические «теории» (скорее, «практики»; ничего по-настоящему теоретического там нет; но оставим, как принято, «теории»). В последние годы они переживают в нашей стране подъем. И представляют несомненную опасность для нормального функционирования российского социума.

Итак, в чем ложь конспирологии? – В недоверии к человеку и его истории (существованию, бытию, тому, что происходит). В отказе ему в статусе субъекта исторического **развития** (чуть ниже мы объясним, почему эти слова выделены). Полагается – не он определяет содержание социальной жизни, но – **ничто** иное. А именно – «клубы, ложи, комиссии, орденские и неорденские структуры». Они контролируют современный мир, являются, так сказать, его директорами. Тайными и теневыми, а потому зловещими и коварными. Мы лишь игрушки в их руках; в лучшем случае – несознательная obsłуга...

Всё: здесь заканчивается **любая** историософия и начинается следственное дело. «Виновный(е)» известен изначально; более того, «виновность» является его онтологическим статусом. Однако это не отменяет дознавательных действий. Они приходят на смену былым идеологиям и способам понимания истории. Конспирологи в своем лице (лицах) соединяют роли работников культа, партсекретарей (первых и по идеологии), судей, прокуроров. В интенции и исполнителей приговоров. Таким образом, конспирология есть не только отказ от попыток исторического понимания, но и **закрытие** самой истории. Ее больше нет, поскольку найден Ответ и выписаны ордера на арест.

Но конспирология не только анти- и внеисторична, она и надисторична. Это апелляция к дьяволу, имплементация врага рода человеческого в наличное бытие. Говоря научно: игра краплеными картами. Вообще мне представляется, что дьявол (чёрт) – изобретение ума **незрелого**. Ведь «чёрт попутал» – уже отчуждение зла, тебе имманентного, отказ от ответственности. Да, да, я имею в виду идею первородного греха, на которой построена христианская цивилизация (Россия – ее часть). Преодоление греха, избавление греха, следование за Христом – вот цель жизни. Значит, человек есть не наличие (во всех смыслах), но – **задача**. Бог хочет от нас развития, Он не конец истории, а ее *раскрытие* (в духе Баха и др.). Конспирология же – яд, которым хотят уничтожить наше упование на все это.

К тому же эта «веселая наука» (как назвал ее один современный российский исследователь мировой закулисы) есть реализация принципа недоверия к человеку, презумпция его виновности (отчасти мы уже касались этого, но усилим в ином контексте). Не тебе должны доказать твою виновность, а ты – что невиновен. Докажи, что не «отвечаешь» за произошедшее. Ну! – Не можешь? Вот «ты» и есть в «ответе». Не смог же «оправдаться». Выражаясь не очень изысканно: конспирология – это такой своеобразный историософско-социологический Вышинский. Это – сталинские процессы, развернутые против истории, развития, открытости etc. И одновременно «дорожная карта» для сегодняшних идеологов и мастеров заплечных дел.

Кто-то же должен ответить в условиях безответственности!?

Мне кажется, я объяснил использование выделенных слов.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Мы не пойдем другим путем (или гимн декадансу и закатам Европы)

Марксисты с подачи их отцов-основателей любят рассуждать о бонапартизме. Что это личная диктатура, опирающаяся на некий баланс различных социальных сил. Для меня всегда была загадочной эта формула. И я представлял себе его так. Некто, под названием «главный», постоянно прыгает с одной вершины на другую. И как-то так образуется политический баланс. Безусловно, это инфантильно и примитивно (то, как мне это представлялось).

А если всерьез, то бонапартизм для меня – это слова самого Бонапарта, сказанные им, кажется, генералу Ожеро (вполне могу ошибиться): Вы выше меня на голову, но я могу ликвидировать эту разницу. В этом суть бонапартизма. Гражданский кодекс (когда-то я писал, что это вторая по своему значению после Библии книга для европейского человечества) и есть юридическое (которое пришло на смену сакральному) закрепление господства «середины», равенства, сведение всех к одному росту. Как ни странно, всегда к росту властителя. Это тенденция к усреднению и понижению.

Каждый раз, когда западная часть человечества (поздние Афины, поздний Рим, Ренессанс, Просвещение, предвоенная (до 1914 г.) Европа) подходит к чему-то принципиально новому, более сложному – а значит, и опасному, начинается охранительная реакция. В Афинах – в виде варваров и римлян, в Риме – в виде варваров, в эпоху Ренессанса – в виде протестантизма и контрреформации, в начале XX в. – в виде самоубийственной мировой войны и деспотии неокультуренного человека. Да, мы забыли Просвещение. Его могильщиком стал генерал Буонапарте. Но каждый раз социально и витально разгромленный авангард успевал передать эстафету следующим за ним (во временному смысле) потенциальным декадентам.

Здесь важное для нас уточнение. Сторонники модного ныне цивилизационного подхода к истории вслед за Данилевским, Леонтьевым, Шпенглером, Тойнби полагают, что все культурно-исторические типы проходят три этапа, последний из которых – разложение. Или, как говорил Тойнби, desintegration, а наш Леонтьев – «вторичное смесительное упрощение». При всем уважении к этим замечательным умам возражу. Именно эта стадия и есть самое интересное, что случается с народами. Правда, будучи несведущ в неевропейских культурах, ограничу свое положение Западом и Россией.

Каждый раз перед своим «закатом» Европа (и Россия) создавали непревзойденные произведения культуры, мысли, быта, эстетики и пр. Слава Богу, это не исчезало вместе с их материальными носителями. Каким прорывом в будущее виделась современникам и потомкам Французская революция! Какие возможности, казалось всем (или почти всем), открывала она перед человеком. А на самом деле несла новое рабство – рабство юридически эгалитар-

ногого мира: всех – под один рост. Но не прошло. И не могло пройти. «Марсельеза» не отменила Моцарта. Великие европейские музыка, литература, живопись XIX в. смели тенденцию к упрощению и вновь поставили на повестку дня сложность.

Так бывает. Гёте и Стендаль написали нового сложного европейца. И, как всегда, в последние столетия «предательскую» роль по отношению к тенденции снижения сыграла наука. Эти нередко малокультурные люди, сами того не ведая, постоянно работали на поддержание сложности восприятия мира. Они все время что-то открывали в природе. Говоря языком постмодернизма, постоянно ей что-то приписывали. Более того, навязывали. Электромагнитные волны, радио, телеграф, телефон. А до этого – паровой двигатель. Как когда-то часы. В интенции это означало: мы не дадим вам застыться в спокойствии, мы вам навяжем новый тип бытия. То есть каждый раз новое поколение европейцев как будто бы говорило себе: мы пойдем иным – своим путем...

А что же у нас, в России? Если для европейцев каждый раз свой путь иной – а потому и свой, то у нас нет. Так что же у нас? Когда-то я писал о двух постоянных составляющих русского исторического развития – общине (земстве) и орде. Началось все с противостояния монгольской Орды и земско-княжеской Руси. Это противостояние никогда не было изжито. Но, во-первых, дополнилось их симфонией. (При этом подчеркнем, противостояние никуда не ушло.) А во-вторых, менялись формы их существования и борьбы. Что, кстати, крайне важно.

И вот когда я несколько лет назад говорил это, мне самому не был ясен механизм воспроизведения этой конфигурации. Но четырнадцатый и пятнадцатый годы нового столетия подсказали, в чем феномен живучести этих антагонистов / близнецов. В каждую эпоху в какой-то момент происходит их взаимопоглощение: орда поглощает общину, а община – орду. Мы, утверждают историки, в конце XV в. освобождаемся от ордынского ига. Но, как указывают свободные философы, ставка хана переносится в Москву. Опричнина (новая орда) в XVI в. как будто бы расправляетя с земством (или: берет верх над земством). Лет через сорок земство в ходе Смуты продуцирует свою опричнину, которая не дает состояться новой польско-боярско-казацкой орде. Ну и так далее. Имеются в виду Петр I, Сталин. Там такие же сценарии.

И сегодня. Казалось бы, к началу девяностых годов XX в. земство / община скинули с себя номенклатурную орду. Да и сами ее тут же породили. И, так сказать, взаимопоглотились. Мы не хотим и не можем идти иным путем. А какой бы он мог быть – иной? Орда становится национальной, т.е. гражданской, т.е. ответственной и патриотической элитой, а земство / община –

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

обществом. Или, как говорил Карл Поппер, не полубиологическим единством, но союзом совершенолетних личностей.

У нас по-прежнему «партия и народ едины». Не знаю, навсегда ли, но, видимо, в ближайшее время иной путь нам заказан.

Об опасности войны

В современной политической науке господствует элитистская концепция: элиты определяют политику. Можно как угодно относиться к этому выводу, но, безусловно, некое зерно рациональности в нем есть. О чем говорит опыт последних ста пятидесяти лет? Кто затеял войны, разрушившие мировой порядок, установленный Венским конгрессом 1814–1815 гг.? Речь идет о войнах, приведших к образованию современных Германии, Италии и …даже Франции.

Франции – в том смысле, что была разрушена (и, видимо, навсегда) ее континентальная гегемония, которая существовала со времен Людовика XIV. В России значение крушения европейского господства Франции – недооценивается. Когда-то Франция «развилась» с Англией… (Несколько столетий это было одно государство, та же династия правила в Париже и в Лондоне, лондонская знать говорила по-английски и по-французски. Все изменилось во времена Генриха VIII в начале XVI в. Будущие Франция и Англия расстались. Англия, победив испанскую Армаду, стала владычицей морей: «правь Британия морями». Франция занялась континентом.) Так вот, франко-прусская война 1870 г. подвела черту под всей этой историей. Британия создала свой мир за пределами Европы – будущие США, Австралия, Новая Зеландия. Лишь в Канаде две части одного бывшего государства спорили за гегемонию. В целом, как известно, победила Англия.

Итак, франко-прусская война стала рубежом в истории человечества. В мировой политике появился новый игрок – Германия. Европа и, следовательно, весь мир потеряли относительную устойчивость венских договоренностей. Бурный рост мировых техники и технологий конца XIX – начала XX в. привел к созданию оружия массового уничтожения (ОМУ). И многим казалось, что это как раз противовес родившейся тогда опасной «многополярности» мира. Не может быть войны при наличии газа, пулемета, разрывных пуль. То есть парадоксальным образом ОМУ и были тем барьером, который стоял на пути тех, кто хотел переделать мир. Почему же началась война?

Выскажу странное предположение. К 1914 г. миром правили люди, которые не знали, что такое война. У них не было страха перед мщением, кровью, смертью. И столетний венский порядок был окончательно взорван. Вторая мировая война стала «лишь» заключительным актом Первой. Ее главные действовавшие лица – недовоевавшие или проигравшие в 1918 г. Затем

последовал период примерно семидесятилетнего мира, который не был разрушен даже развалом СССР и подъемом Китая. Но к 2014–2015 гг. лидерами ключевых стран мира оказались люди, родившиеся через десять–двадцать лет после окончания Второй мировой. У них тоже нет опыта военного времени. Единственным ограничителем (барьером) нового глобального столкновения является наличие ядерного оружия. Сегодня кажется, что его применение абсолютно невозможно. Это приведет к концу жизни на Земле. Но ведь сто лет назад, как мы знаем, тогдашнее ОМУ тоже считалось чем-то вроде красного света на дороге к войне.

Какой вывод из всего этого? История последних ста пятидесяти лет показывает, что поколения лидеров, не переживших лично ужас войны, могут развязать ее даже при наличии ОМУ и ядерного оружия. Это делает современную ситуацию предельно опасной. В российских СМИ стали появляться материалы, невозможные даже при господстве коммунистов – о допустимости нанесения ядерных ударов по Западу. Во вроде бы солидных политических журналах можно встретить такие «мэссиджи»: «Конфликт между Россией и Западом имеет глубинный, существенный характер. США и его сателлиты важно не перейти “красную черту”, чтобы не началась Третья мировая война. Вызывающее поведение, бряцание оружием около наших границ в конечном итоге может привести к тому, что начнется ядерная война. Мы бьем Европу в среднем где-то раз в столетие. Видимо, наступает момент напомнить ей о приличном поведении в международных отношениях. Европейцы после распада СССР немного подзабыли о том, что их когда-то били. Не исключено, сейчас приближается время, когда они рискуют нарваться на хорошую порку»²⁶.

Или вот, к примеру, Вячеслав Алексеевич Никонов констатирует: «У России появились неприятности. Слабый рубль, падение цен на нефть, санкции. Что России в этой ситуации делать? Конечно, ответ на этот вопрос у нас всегда был один. Главные союзники России – это ее армия и флот. И в последнее время Россия предприняла резкий рывок в усилении своей обороноспособности ... У России по совокупной мощи – вторая военная машина на планете после США. А по многим параметрам – первая. У нас появились новые системы вооружений, которые принципиально меняют баланс военной силы ... У нас есть новейшие межконтинентальные баллистические ракеты, способные достичь территории США не только через Северный полюс, но и через Южный... Наша ракета может прилететь совсем не оттуда, откуда ее ждут»²⁷.

26. Стратегия России. – М., 2015. – № 7. – С. 28. – Автор этих строк ведущий эксперт Центра военно-политических исследований МГИМО Михаил Александров.

27. Там же. – С. 11–12.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Вроде бы и ничего особенно воинственного, но как-то страшновато. Особенно из уст председателя думского комитета по *образованию*.

«И те же выписки из книг, И тех же эр сопоставление»

Зимой тринадцатого—четырнадцатого я принялся писать дневник. Но Крым как-то выбил из колеи. А затем — Донбасс и общее одичание, ожесточение, ужесточение. В начале пятнадцатого государство подарило нам десять дней отдыха (впрочем, это уже обычное дело), и все это время я читал книги по русской истории²⁸. Хотелось остановиться, оглянуться, задуматься... Не на бегу, как почти всегда. При этом понимал: после того, что произошло в стране и мире в Четырнадцатом, следует еще раз обратиться к нашему прошлому — с вопросами и за советом.

Получилось ли? Не знаю, не уверен. Правда, по мере углубления в тексты сегодняшняя боль, боль о современном как-то притуплялась. Шестого января, в сочельник (и двадцать пять лет со дня смерти моего учителя, профессора Николая Никаноровича Разумовика), я записал: «Как сладко утонуть в русской истории (особенно, по Ключевскому, — острой, умной, элегантной, пессимистичной... в общем “своей”), чтобы не видеть, забыть, не сопротивляться». Действительно, если всегда **так** было, что уж...

Вот, к примеру, Василий Осипович о тридцатых годах XVIII в., о бироновщине, об ограблении властью народа: «Под стать невзгодам, какими тогда посетила Россию природа, неурожаям, голоду, повальным болезням, пожарам устроена была доимочная облава на народ (выделено мною. — Ю. П.): снаряжались вымогательные экспедиции (выделено мною. — Ю. П.); неисправных областных правителей ковали в цепи, помещиков и старост в тюрьмах морили голодом до смерти, крестьян били на правеже и продавали у них всё, что попадалось под руку. Повторялись татарские нашествия, только из отечественной столицы²⁹ (выделено мною. — Ю. П.). Стон и вопль пошел по стране»³⁰.

Так это просто коллективизация и «большой террор»! В те же тридцатые, но двести лет назад. — И еще о бироновщине: «... сколько-нибудь размыслившие люди сделали важное открытие: они почувствовали при чересчур

---

28. Разумеется, тогда я не мог знать, как круто повернется моя жизнь. Как пожар в ИИИОНе разрушит устоявшейся ее уклад, отнимет то, чему я служил десятилетиями... Впрочем, это другая история.

29. А через многие десятки лет А. Галич скажет: «И это уже не татары. / Похуже Мамая — свои».

30. Ключевский В.О. *Русская история: Полный курс лекций: В 3 т. — М.: Мысль, 1993. — Т. 3. — С. 139.*

обильном законодательстве полное отсутствие закона»³¹. – Разве это не о наших днях?!

Кстати, по поводу «татарских нашествий... из отечественной столицы». Это не просто литературный оборот, но – точная констатация. Все мы, конечно, помним зацитированные (что не отменяет верности) слова Г.В. Федотова относительно прекращения в конце XV в. татаро-монгольского ига: «Ставка хана была перенесена в Москву». Отныне «белый царь» (так именовали на Руси кочевнических ханов в XIII–XV вв.), покинув дворец Алтын Ордон в Сарае, поселяется в московском Кремле. Его как будто специально к этому моменту строят итальянские мастера. Понятно, «перенос ставки», «переселение» носят символический характер. Первым русским «белым царем» (ханом) становится рюрикович (данилович) Иван Васильевич, Иван III, Иван Грозный (впоследствии младший внук отберет у него это именование; мол, погрязнее бывают). Надо сказать: московские князья долго шли к этому положению. Старт был дан еще в середине XIII столетия их пращуром – Александром Невским. Случались, правда, и среди даниловичей уклонисты и отщепенцы (Дмитрий Донской, скажем), но в целом линия была последовательной и увенчалась успехом. Говоря научно, Орда была русскими интериоризирована. Внешнее рабство сменилось внутренним. Монополия на ограбление русского народа перешла от Сарая к Москве. Вскорости появятся и собственные ордынцы (не только хан) – опричники, гвардейцы Петра, военно-служилое дворянство.

Здесь – невозможно удержаться – хочется сказать несколько слов о роли Орды в нашей истории. И одновременно поспособствовать прекращению спора приверженцев и противников «норманнской» теории.

Кто создал не абстрактную русскую государственность (этот глупый спор «норманны–славяне»), а Русское государство? **Орда**. Всех пересчитали, устроили коммуникации, обложили данью («выход»). То есть обрисовали и определили «Рус Улус» (РУ). Покончили – в целом – с «феодальной раздробленностью». Хотели-не-хотели подвязали Земщину (Общину) к Военщине (в Орде **так** и было). Научили, что прав нет ни у кого, только – обязанности. У Одного – **все** права (**так** не было до монгольской власти и ордынизации всей страны). «Помогали» Церкови любить Власть, служить ей, обслуживать.

Кстати, можно даже назвать эпоху, когда родилась Русь–Московия. В 1368 г. Золотая орда становится независимой от Монгольской империи. В 1386 г. Дмитрий сражается и побеждает нелегитимного, узурпатора, высокочку – Мамая (в **этом** контексте слова В.О. Ключевского, что Русское

31. Ключевский В.О. *Русская история: Полный курс лекций: В 3 т.* – М.: Мысль, 1993. – Т. 3. – С. 144.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

государство начинается на Куликовом поле, звучат иначе). Заметим: в этой великой битве не было ратей Новгорода, Пскова, Твери, Суздаля, Рязани. В 1385 г. Ольгерд принимает католичество. Вот в эти двадцать лет Московская Русь в рамках Орды претендует на лидерство в ней. Через двести лет на царский престол сядет чингизид Симеон, а вскорости потомок выходцев из Орды – Годунов.

Со временем московиты русифицировали Рус Улус. И это стало опасно для последнего. Пойди РУ по пути В. Голицына – Федора–Софии, по пути мягкой полонизации, литвинизации, (страшно сказать) мадьяризации, быть бы великороссам чем-то типа западных мало- и белороссов. Свою роль в разложении РУ играла левобережная Украина с Киевом на правом берегу (все эти могилянцы), да и Немецкая слобода.

Было два варианта: этот разложеческий и другой – подморозить РУ с помощью продвинутых европейских технологий. Со временем самим научиться их производить и применять. Так сказать, импортозамещение.

Явился Металлический Всадник и, спасая эссенцию Рус Улус, превратил его в Rußland (РЛ). Тридцать лет назад я написал: скрестил ордынца с пруссаком.

Вернемся к опричникам. Они ведь далеко не «случайны». Без них новое государство – во многом по монгольскому образцу – не состоялось бы. «Дворцовое государство» – говорит Ключевский (сегодня эта метафора великого историка развернута в убедительную концепцию, помогающую многое понять в современной русской политике; см. работы И.И. Глебовой). Итак, «государство замкнулось во дворце. Правительства, охранявшие власть даже не как династическое достояние, а просто как захват, которого не умели оправдать перед народом, нуждались не в народной, а в военно-полицейской опоре»³². – И хотя это о наследниках Петра Великого, несомненно, такой тип государственности складывается со временем (как минимум) Ивана III и в ходе того самого «переноса» и усвоения, о котором мы уже писали.

Ну, а «военно-полицейская опора» рождается в славной опричнине Грозного-царя («славной», и потому что ее возрождения взыскиуют славные изборцы, идеологи и подстрекатели нового погрома на Руси³³). В ней «этот класс получил яркую политическую окраску как полицейский охранный

---

32. Ключевский В.О. *Русская история*. – С. 195.

33. Знаете, все более реалистичным представляется сорокинское предчувствие «День опричника». И, кажется, вот-вот оживет стихотворная картишка Б. Слуцкого: «Снова опричник на сытом коне / по мостовой пролетает с метлою. / Вижу лицо его подлое, злое, / нагло подмигивающее мне. / Рядом! Не на чужой стороне – / в милой Москве на дебелом коне / рыжий опричник, а небо в огне: / молча горят небеса надо мною».

корпус...». А в елизаветинские времена «помещичьи усадьбы... – стали центрами крепостных судебно-полицейских участков»³⁴.

И еще к теме переноса «ханских ставок» (или «дворцового государства»). Каждая из них знаменовала переход страны в новое состояние (об этом достаточно ясно сказано в работе «Русская Система»). Среди прочих «переносчиков» особо выделяется Петр Алексеевич. Поначалу он убегает из Москвы (не города, а комплекса малоподвижной старозаветной жизни; так казалось поверхностному, вздорному, самонадеянному юноше; он почему-то соизволил не заметить тех глубоких перемен, которые происходили при деде, отце, старшем брате и старшей сестре) в Немецкую слободу. Здесь он располагает свою ставку. «Это был уголок Западной Европы, приютившейся на восточной окраине Москвы»³⁵. Следующий ход – ставка отправляется в Петербург, который становится уголком Западной Европы, приютившейся на западной окраине Московии. Его тоже строят итальянцы (в основном). И в нем, как в Слободе, прямые широкие улицы.

Символично, что и в Слободе, и в новой столице у него были социально схожие любимые женщины – Анна Монс и Марта Скавронская. Тянуло герра Питера к простонародно-гулящей Европе. Апофеозом этого влечения стало утверждение на российском троне «походной жены-солдатки» (Ключевский о будущей Екатерине I). Это воцарение, помимо прочего, означало отмену черты оседлости для европейцев (Немецкая слобода). И тут же они «захватили» Россию (не всю, конечно, но значительную ее часть). Типологически это схоже с тем, что произошло через двести лет с чертой оседлости для евреев. Надеюсь меня не заподозрят в антисемитизме... Бывают странные сближения.

---

34. Ключевский В.О. *Русская история*. – С. 176.

35. Там же.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

ВОЗМОЖНОСТЬ ЯВЛЕНИЯ АФАНАСЬЕВА: IN MEMORIAM

Гражданская панихида по Юрию Николаевичу Афанасьеву³⁶ состоялась 17 сентября в Центре Сахарова. Зал был набит, на улице еще человек сто слушали радиотрансляцию прощания. Я опаздывал, привычно-немыслимые пробки, неужели придется долго стоять в очереди, дела, дела... Нет, не пришла к нему прощаться Москва (Россия). Интеллигентное старичье (сам такой), забыто-увзнаваемые лица, пронзительные речи. Непохожий уже на себя Юрий Николаевич. Мне тоже хотелось *сказать*. Но череда записавшихся у Владимира Рыжкова (он вел «службу») была непомерной. И вот поскольку тогда не *сказал*, можно сейчас?

И еще одно. Мелькнуло: а почему не в РГГУ, его детище? Нет, все правильно – в **сахаровском** Центре.

Мы никогда не дружили. Да это было и невозможно. Разница лет, положений, биографий. Наши жизни протекали в непересекающихся измерениях. Но с некоторого времени он стал важным для меня человеком. Черненковский год был чуть ли не самым удешливым «эоном». Стыдно, безнадежно, тоскливо. А ведь к весне восемьдесят пятого – «земную жизнь пройдя до половины...» И только что ушел год Оруэлла, Амальрика... Год интеллигентской апокалиптики (кстати, ретроспективно и поныне; просто сроки перенесены – сначала Москва 2042 (В. Войнович), затем Москва 2039 (В. Сорокин), т.е. **всё** приближается).

Почему в марте–85 попал мне в руки журнал «Коммунист» № 14? Откуда взялся этот свеженький номер «теоретического органа» («террористического», «органа») ЦК КПСС в прокуренной и «пропитой» (если так можно сказать) комнате отдела государства и права ИИОН АН СССР на улице Георгия Димитрова (в девичестве Большая Якиманка; впрочем, пора вернуть ей мужскую фамилию: какая это **Якиманка!** – Иоаким и Анна)? Пишу все это по памяти. Ни одного другого журнала так не помню. «Коммуниста» же не читал никогда. Ибо не ходите в собрание нечестивых. Иначе – личная гигиена «über alles».

Галич, Галич, который для меня тогда был тем, чем для многих была водка, Галич, несравненный русский гений, чеканил: «как будто пахнуло озоном». Именно **так** просквозило меня. Статья какого-то Афанасьева про понимание истории. Да что такое? Я же давно **все** знаю! Научившись читать, прочел все **возможное**. Уже писал о Чадаеве, Самарине, Данилевском, немцах. Бердяев, Булгаков, Струве, Франк были «спутниками жизни». Карамзин,

---

36. Ю.Н. Афанасьев умер 14 сентября 2015 г. в возрасте восемидесяти одного года.

Сперанский, Хомяков, Ив. Киреевский, Катков, Победоносцев... И Герцен, Кавелин, В. Соловьев.

Герцен о первом «Философическом письме» Чаадаева – «как выстрел в ночи». Я не сравниваю. О различии масштабов и говорить нечего (мы с Юрием Николаевичем в одной лиге, а Петр Яковлевич и Александр Иванович – в другой). Но, видимо, дело не только в этом. Для современников важнее попадание в цель. Афанасьев попал.

У меня как будто легкие прочистились, как будто стал меняться состав воздуха. Преувеличиваю? Конечно. Но так хочется сказать ему: спасибо. И сразу же: **так** можно? Что происходит? – Сейчас отвечу: началась антикоммунистическая революция, которая через несколько лет победоносно закончится. И вместе с ней шла антисоветская революция, которую мы напрочь проиграли. Понимаю: говорю «загадками». Ничего, дальше объяснимся. «Ничего», потому что этот текст об Афанасьеве, мировая история здесь фон.

Начал узнавать, кто такой. Комсомолец, пионер, партиец. Звучало уныло. Докторская по школе «Анналов». Это ничего. Достойно. В общем, не то чтобы забылось, напротив. Я эту статью из «Коммуниста» зацитировал, защищаясь ею как охранной грамотой. Но шок от нее прошел. Да и времена были бурные, неслись галопом.

Фамилия Афанасьев все чаще мелькала, как сказали бы ныне, в бумажных СМИ. Постепенно превращаясь в имя. Но ведь тогда не только он так рос. И прислушиваться приходилось ко многим. – Весна восемидесят девятого, Первый съезд народных депутатов СССР. А у меня еще одна «встреча» с Юрием Николаевичем. И не только его бессмертное об агрессивно-послушном. Даже не столько. После многодесятлетнего господства (за редким исключением) на ТВ свинских рыл я увидел красивое, умное, сдержанно-нахмуренное лицо. Я увидел высокого, статного человека, я увидел русского европейца (ну, в смысле Версилова). Даже через экран, сквозь экран пробило ощущение достоинства, мужества, убежденности. И сразу стало понятно: **все всерьез**. На этот раз наша возьмет. **Такие** не испугаются. Это – выношенное. (Иное, но не менее радостное ощущение – Анатолий Александрович Собчак. С ним знаком не был, несколько раз видел вблизи, слышал. И откуда тогда в русской политике появились **такие** лица? – Знайте: это и есть лицо русской политики. До перестройки и с начала нулевых ее у нас не было и нет. Поэтому до и после – физиономии, а в те времена – лица.)

Прошло еще несколько лет. Афанасьев изредка появлялся на экране ТВ. Недовольный, мрачный, гордый. Уход из политики, но – РГГУ, слава и значение которого в те годы были неоспоримыми. С осени девяносто шестого я стал там преподавать (оставаясь в Академии наук). – В середине января следующего года звонок. Низкий, немного хриплый голос: «Это Афанасьев. Хочу Вам предложить создать в РГГУ Институт русской истории. Приезжайте».

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Вот так, запросто. Конечно, я помчался. **Афанасьев.** Почему звонил неизвестному человеку? Ему кто-то показал тексты, которые в середине девяностых писались (и печатались) моим тогдашим ближайшим другом и мною. Я приехал, поблагодарил, сказал, что есть другие неотменимые планы, что могу рекомендовать друга-соавтора, буду сочувствовать и т.д.

Так начались **очные** отношения. В его университете, за пределами, на конференциях. Не более того. Мне было лестно, что он заметил меня. Иногда цитировал. Даже выделял. Но ничего похожего на **шоки восемьдесят пятого и восемьдесят девятого** и рядом не было. В 2003 г. я ушел из РГГУ, крайне редко он звонил мне. Прошло девять лет. 8 ноября 2012 г. Юрий Николаевич выступал с докладом «Закат России» на семинаре в Центре россиведения ИНИОН РАН. И вновь потрясение. Такой горечи, такого разочарования не видел никогда. Всё. Финита. Untergang des Rußlands. Но другого и ожидать было нельзя. «Мы», реформаторы, не знали, **как и что** надо делать. «Мы» виновны в нынешней ситуации. И т.д.

Я слушал все это, это покаяние, эту исповедь, это самобичевание со страхом и трепетом. Сначала мне стало стыдно. Зачем он все это? И откуда они, Ельцин, Попов (Юрий Николаевич называл эти имена) могли знать, **что** делать. Никто не знал. – Постепенно, неожиданно для самого себя, так сказать, немотивированно стыд уходил, и его место победоносно заняла гордость. Где и когда ты увидишь вживую (не прочитаешь) **такую** интенсивность переживания и **самоотречения**. Мне почему-то подумалось: **так** уходили лучшие русские люди.

Да, надо объяснить: почему антикоммунистическую революцию выиграли, а антисоветскую проиграли. Коммунизм оказался во многом наносен, ситуативен, вымыщен, несерьезен, функционален. Советское – шире, глубже, значительнее, органичнее, устойчивее, опаснее. Коммунизм и у нас, и на Западе (возможно, со временем и в Китае) заканчивается одним – «пролетарии всех стран маршируют в ресторан» (И. Бродский). Советское же это то, во что вылилось русское в XX столетии. Не все русское, но в большинстве своем. Это – форма русского массового общества, продукт весьма своеобразной урбанизации, «красное черносотенство» (П. Струве), результат выбора 1917 г., долговременного террора и продолжительной самоизоляции и пр., пр., пр.

Советское – это внерелигиозная цивилизация, мир, жизнь только посюсторонняя, полностью исключена идея личного греха, греховность вменяется другому, торжествует презумпция виновности. Ведь если «я» освобождено от первородного греха и все последующие грехи не имеют, к примеру, христианского толкования, то логично все зло, всю несправедливость приписать «другому». Кто-то же должен отвечать. Советское – это насилие по преимуществу, это мир и жизнь как борьба. Борись со «злом», борись с «другим»

(врагом народа, вредителем, космополитом, диссидентом...). Советское есть отрицание диалога, чужого мнения, оппозиции, разно- и многообразия...

Юрий Николаевич и все мы пока не сумели преодолеть это. В новых (и старых) формах оно господствует, блокируя иные пути движения. Более того, объявляется русской нормой, нашим «*Sonderweg*». Советское насквозь пронизывает социальную и ментальную ткань России, въелось в нашу психику, определяет инстинкты, отправляет совесть. Но торжество его временное.

Откуда такая уверенность? В возможности явления Афанасьева (и близких ему по типу людей). Выходец из рабочей семьи, комсомольский и партийный функционер сумел стать одним из героев и вождей великого эмансипационного движения конца XX столетия.

До свидания, Юрий Николаевич.

«НЕ БУДЕМ ТЕРЯТЬ ОТЧАЯНИЯ.³⁷

В начале этой небольшой работы я написал, что не знаю, куда движется Россия. Действительно, не знаю. И тут же поймал себя на мысли: а что раньше понимал, куда? Наверное, тоже нет. Однако сейчас это в какой-то очень острой форме и сопровождается болезненной тревогой.

Тогда вспоминается: обсуждаются не обстоятельства, но мы в этих обстоятельствах. Как мы должны вести себя. Вновь на помощь приходит Адам Мицник. «...Когда я смотрю на сегодняшнюю Польшу, я чувствую себя немножко крестьянином после грозы, крестьянином, у которого волею судьбы уничтожило и урожай, и скот. Но что делает крестьянин, когда видит все это? Адам Мицкевич говорил, что в такой ситуации крестьянин сеет заново»³⁸. Это очень сильная метафора. В России не только суровые природно-климатические условия, требующие огромного постоянного напряжения для выживания и развития. У нас и политico-культурная, социальная почва и «погода» предполагают интенсивную и последовательную работу. В противном случае рассчитывать на урожай не стоит.

Еще одной важной причиной не опускать руки является то, что если остатки общества (не перемолотые властью, не покинувшие отечества, не ушедшие во внутреннюю эмиграцию) не будут – даже в, казалось бы, безнадежных ситуациях – открыто и громко говорить о происходящем, защищать гонимых и предлагать иные пути движения, может произойти нечто, о чем полстолетия назад предупреждал Александр Исаевич Солженицын. «...Пока не будет в стране независимого общественного мнения – нет никакой гаран-

---

37. Слова Анны Ахматовой.

38. Мицник А. Заметки антисоветского русофила. – С. 298.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

тии, что все многомиллионное беспричинное уничтожение не повторится вновь, что оно не начнется любой ночью, каждой ночью – вот этой самой ночью, первой за сегодняшним днем»³⁹. – Этот человек знал, о чем идет речь. Он сам в шестидесятые стал общественным мнением. Нам бы сейчас не расстремляться, а то – «вот этой самой ночью».

Мы потерпели историческое поражение. Результатом двадцатипятилетнего транзита стала непредсказуемо опасная ситуация, потенциально чреватая новым изданием режима тридцатых–пятидесятых годов прошлого века (разумеется, в совершенно отличных одеждах, с сохранением сути – неограниченное насилие). Но с горечью утверждая это, одновременно помню слова М.Я. Гефтера об А.Д. Сахарове. «Он не был из породы победителей. Все его человеческое существо тяготело не к победе, а к истине. А истина чаще всего – в стане побежденных. Поражения преследовали Андрея Дмитриевича до последних дней жизни. Но чем были бы мы, мы все, если бы не эти поражения?»⁴⁰. Действительно, крестный путь Андрея Дмитриевича, особенно на фоне современной РПЦ, это – самоутверженное взыскание истины. Сахаров своею жизнью дал нам пример: **как должно быть человеком**. Как «поражения» преображают мир и утверждают достоинство личности. И вообще, прав Юлий Маркович Даниэль: «Когда вверх тормашками катится и бьется в падучей судьба, не надо бояться и каяться, страшиться тюрьмы и суда».

Примем всерьез и напутствие человека, прошедшего и тюрьмы, и преследования, и поражения. «Принимая участие в антитоталитарном содружестве, береги свою бездомность; сохрания верность национальным корням, следи за тем, чтобы “не пустить корни”; вноси в мир расшатанных моральных норм ясную простоту евангельских наказов (“да–да; нет–нет”), а зеркально гладкий мир официально кодифицированных ценностей насыщай смехом шута и сомнением вольнодумца. Потому что назначением твоим является не празднование политических побед, не заискивание перед собственным народом. Ты должен сохранить верность проигрышным делом, говорить неприятные вещи, будить протест. Ты должен собирать оплеухи и от своих, и от чужих, потому что только так ты получишь добро, которого не получишь»⁴¹.

Эти слова не абсурдны и не кокетливы, как кому-то может показаться с первого взгляда. Они, повторим, оплачены жизнью и судьбой. Они прове-

---

39. Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. – Т. 7. – С. 67.

40. Цит. по: Кожокин Е.М. Последний утопист? (Памяти М.Я. Гефтера) // Полис. – М., 2015. – № 4. – С. 155.

41. Михник А. Указ. соч. – С. 60.

«ИЗ-ПОД КАКИХ РАЗВАЛИН ГОВОРЮ...»

рены на практике. И мне бы хотелось иметь право цитировать строки одного из любимых его поэтов⁴²:

*«Ты выжил не затем чтоб жить
но чтобы свидетельствовать пока есть время*

*будь храбр когда подводит разум будь отважен
в конце концов лишь это что-то значит*

*а гнев бессильный твой пусть будет словно море
всегда когда ты слышишь униженных и битых».*

Если мы согласимся на меньшее, то у нас не будет шансов.

---

42. Збигнев Герберт (1924–1998) «Послание Господина Когито».